

В годы Великой Отечественной Русская Православная Церковь, несмотря на многолетние довоенные репрессии и подозрительное отношение к себе со стороны государства, словом и делом помогала своему народу, внося весомый вклад в общее дело победы над грозным врагом.

«Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться» (Пс. 26: 3)

В начале войны архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), находящийся в ссылке в Красноярском крае, сообщил Михаилу Калинину, что являясь специалистом по гнойной хирургии, «готов оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено». Его прошение было удовлетворено, и с октября 1941 года 64-летний **профессор Валентин Войно-Ясенецкий** был назначен главным хирургом местного эвакуационного госпиталя и стал консультантом всех красноярских больниц. Талантливый хирург, принявший духовный сан в 20-х годах, делал по 3-4 операции в день. В конце декабря 1942 г ему без отрыва от работы военным хирургом, было поручено управление Красноярской епархией. В 1944 г, после того, как госпиталь переехал в Тамбовскую область, этот уникальный человек, совмещавший в себе

способности маститого врача и выдающегося духовника, возглавил местную епархию, где впоследствии было открыто немало храмов и перечислено на военные нужды около миллиона рублей. В 1945-46 гг и Церковь, и государство постарались выразить благодарность архиепископу Луке за его труд: он был награжден правом ношения бриллиантового креста и удостоился медали "За доблестный труд в ВОВ...". Однако главная награда была ему вручена в 1946 г, когда Лука (Войно-Ясенецкий) - епископ, хирург и ссыльный - был удостоен Сталинской премии 1 степени за свой труд "Очерки гнойной хирургии". К слову сказать, почти все деньги он отдал нуждающимся.

Любовь к Родине и ее защита от врагов всегда была заветом всех православных христиан. Поэтому верующие особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта, и на поддержку раненых бойцов. Всего же за годы войны в фонд обороны страны верующими было направлено 300 миллионов рублей. На эти деньги были построены и переданы в действующую армию 40 Т-34 танковой колонны «Дмитрий Донской», а также истребительная эскадрилья «Александр Невский».

Священник Федор Пузанов. Участник двух мировых войн, награжденный тремя Георгиевскими крестами, Георгиевской медалью 2-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. Принял священный сан в 1926 г. В 1929 был посажен в тюрьму, затем служил в сельском храме. Во время войны собрал в селах Заполье и Бородичи 500 000 рублей и передал их через партизан в Ленинград на создание танковой колонны Красной Армии. «Во время партизанского движения я с 1942 г имел связь с партизанами, много мною выполнено заданий, — писал священник в 1944 г архиепископу Псковскому и Порховскому Григорию. — Я помогал партизанам хлебом,

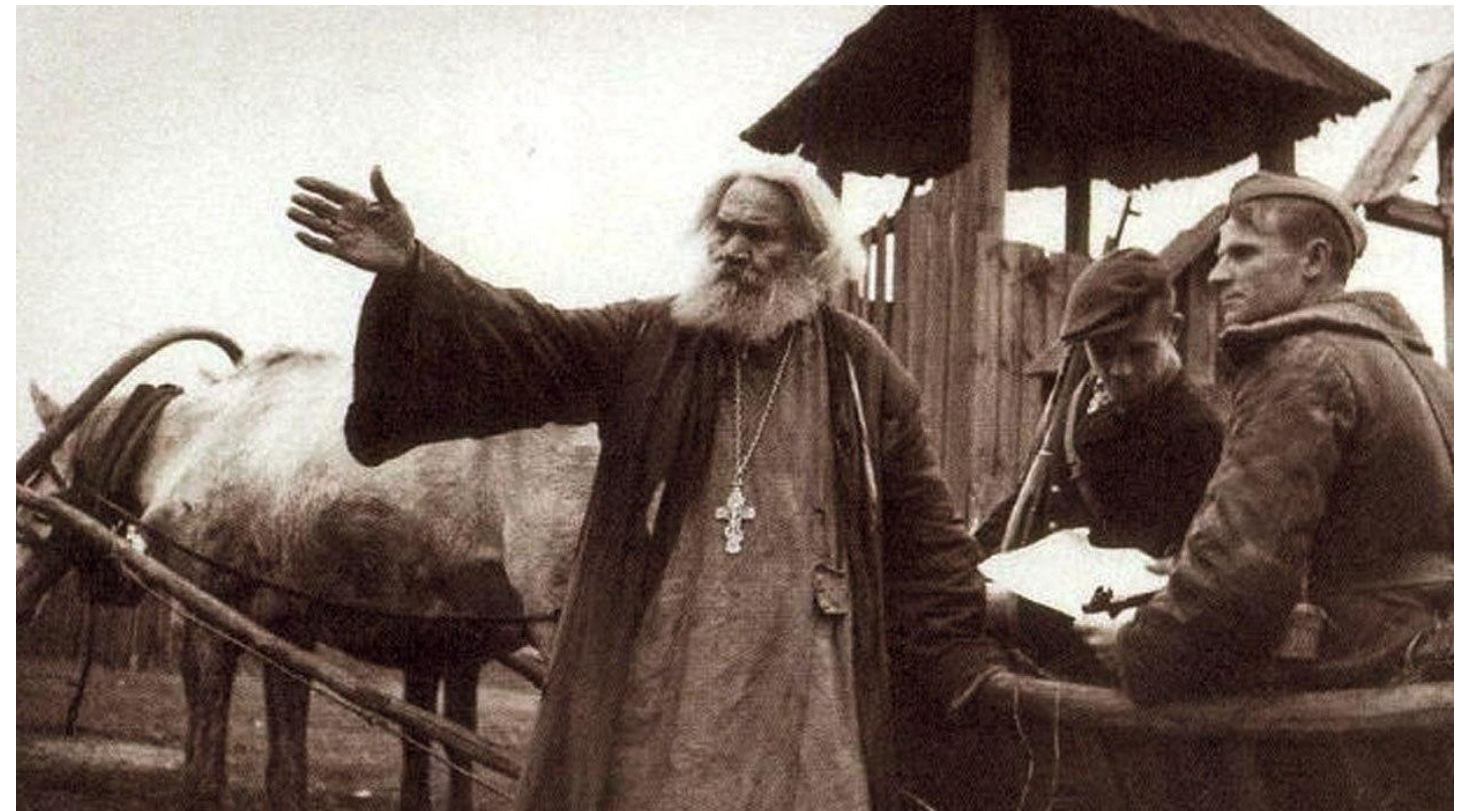
первый отдал свою корову, бельем, в чем только нуждались партизаны, обращались ко мне, за что я получил государственную награду 2-й степени «Партизан Отечественной войны».

Архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов). Учился в вечерней студии при Московском Союзе советских художников в бывшей мастерской Сурикова. С 1942 г на фронтах Великой Отечественной войны. Прошёл боевой путь от Москвы до Берлина в составе Четвёртой танковой армии. Участвовал во многих операциях на Центральном, Западном, Брянском, 1-м Украинском фронтах. Орден Красной звезды, медаль За отвагу, несколько медалей За боевые заслуги.

С 12 марта 1950 г — послушник Троице-Сергиевой лавры (Загорск). С 1959 г- наместник Псково-Печерского монастыря. Вернул из Германии монастырские ценности. Вел колоссальную реставрационную и иконописную работу в монастыре.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

«Дети! Вы от Бога, и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире». (1 Иоанна 4:4)

В этом году будет праздноваться 73-летие победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Всем известно, что эта война явилась одним из самых тяжелых испытаний для нашей страны за всю ее многовековую историю, что важнейшую роль в итоге Великой Отечественной войны сыграл героизм народа, его самоотверженность и, главное, боевой дух. И этот героизм вдохновлялся не только патриотизмом, но и верой в Бога. И не все знают о том, насколько важную роль в преодолении трудностей войны сыграла русская православная церковь.

С древних времён именно вера и духовность объединяли русский народ и вдохновляли его на подвиги во имя защиты самого дорогого, что у него было: своей веры, культуры, семьи, родины.

Духовным лидером, душой и вдохновителем всех освободительных войн всегда являлось русское духовенство, монахи, служители церкви.

Этот выпуск нашей газеты посвящается русскому духовенству, которое в наиболее тяжёлое для него время, когда православная церковь подвергалась гонениям и репрессиям со стороны властей, защищало Родину и близких своих. Священнослужители того времени и верующие миряне, многие из которых впоследствии тоже стали священниками и монахами, с оружием в руках ковали победу вместе со всем народом.

«Итак, братья мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом». (1-е Коринфянам 15:58)

Доктора Владимира Ивановича Турбина знал весь Орел, его можно смело называть городским ангелом-хранителем; это был фантастический врач, он же иеромонах Никон.

Владимир Турбин родился 20 февраля 1905 г. Внешне его жизнь складывалась благополучно. В 1923 г он поступил в Харьковский медицинский институт, после окончания которого работал сельским врачом, а затем вернулся в Орел, где был принят в инфекционную больницу. С 1932 г. до самой пенсии жизнь доктора Турбина была связана с инфекционной больницей. Он стал известен и уважаем, свидетельством тому не только дипломы и Почетные грамоты, но, главным образом, признания орловцев. Город и сегодня помнит его имя, но мало кто догадывается, что он был не только врач, но и тайный монах. В частном архиве Орла сохранилось несколько документов, проливающих свет на отношения Владимира Турбина и православной церкви. Вот один из них: «Сим свидетельствую, что Владимир Иванович Турбин пострижен в монашество в великий Вторник 21 марта 1934 г с наречением имени в честь преподобного Никона Печерского. Смиренный Александр, Архиепископ Орловский. 21 сентября 1935 г». Много добрых слов было сказано орловцами о любимом докторе, много жизней он спас, много подвигов совершил. До сих пор, стоит упомянуть имя доктора Турбина среди коренных жителей города Орла, то сразу начинаются истории о том, как он спас безнадежно больного ребенка, как приходил ночами

...3 октября в Орле стояла прекрасная погода, разгар золотой осени. Немцы въехали в город по Комсомольской на танках, легковых автомобилях, мотоциклах. «Они хохотали на всю улицу, - рассказывает В. Л. Цветков, - им было радостно от того, что так легко захватили Орел, все мосты были целы. Через несколько дней между колоннами нашего театра уже качались тела казненных. На каждом была табличка с надписью: «Партизан», «Жид», «Комиссар», «За саботаж», «За неподчинение». В Орле оставалось около тридцати тысяч жителей и тысячи раненых солдат и офицеров, брошенных на произвол судьбы. Немцы заняли лучшие здания города, в том числе военный госпиталь на углу Комсомольской и Красина. Всех раненых выбросили на улицу и врачами было принято единственно правильное решение переправить их в инфекционное отделение областной больницы, которым заведовал Владимир Турбин. Доктор Турбин стал первым и главным организатором лечебной помощи, потом пришли к нему хирурги. Все раненые были распределены по палатам, по коридорам, в подсобных помещениях. В то же время врачи и медсестры лихорадочно придумывали истории болезни. Немцы уважительно относились к документам, и солдаты и офицеры Красной Армии стали колхозниками ближних деревень, жителями Орла. Когда через несколько дней по городу пошли полицаи, все документы были в порядке, а на заборе отделения появилась надпись по-немецки и по-русски: «Не входить. Заразная болезнь». При отступлении наши подожгли элеватор. Многим удалось набрать горелого зерна, его томили в чугунах, а потом ели. Хлеба не было. соли не было, ничего не было, только горелое зерно. Запаса дров в инфекционной больнице хватило на две недели. 7 ноября ударили морозы, которые не отпускали до самой весны.

К Новому году начался мор: люди погибали от голода и холода, умирали от болезней. В этих невероятных условиях доктор Владимир Турбин воистину совершил подвиг. «Да, он совершил подвиг, -- пишет В. Л. Цветков в своей книге «Звезды мерцают...»—Он совершил подвиг в борьбе с тифом и другими инфекциями в условиях необычайно переполненных палат. За обнаруженную вошь или грязь он давал такой разгон, что не пожелаешь; сам сутками не покидал отделения следил за порядком, спал в железной дезкамере, где прожаривали все, что было на больных и на постелях, сам искал насекомых, изолировал, лечил — все сам! Он был нашим первым

авторитетом!»

Вскоре тиф был побежден, но надпись на заборе осталась. Инфекционная больница работала до ухода немцев. «После освобождения пришел полный такой генерал в золотых очках, в сопровождении офицеров, - вспоминает В. Л. Цветков. — Это был главный врач Советской армии Николай Нилович Бурденко. Он осмотрел палаты, поговорил с врачами, сказал: «Так у вас тут настоящий подпольный госпиталь, это же выигранное сражение!» Не считая гражданских лиц, русская больница спасла около тысячи бойцов и командиров советской армии. Доктора Турбина арестовали на следующий день после освобождения Орла. В заключении он провел несколько месяцев, затем по ходатайству Николая Бурденко был отпущен.

Алексей Платонов, на жизнь которого оказал огромное влияние доктор Турбин, вспоминал: «Он был одинок и я так и не понял его до конца. Он ходил в церковь, а это отталкивало от него. Люди боялись быть причисленными к Владимиру Ивановичу. А он не боялся советской власти, шел в церковь свободно». «Семья как-то не вязалась с ним. Он сам занимал большое место в природе. Обычные люди и с семьей не занимают столько места, а он был один». «Чаше всего он молился в Богоявленской церкви, ее открыли при немцах в декабре 1941 г. Молился в

алтаре. О, какое мужество, какую веру надо было иметь, чтобы на глазах у всех совершать православный обряд! Орловские храмы при немцах и при наших кишели доносчиками. А вечером, перед сном, он молился дома—была комната с иконами, где горели свечи и лампы, особенно в праздничные дни». «Его лицо всегда было озарено каким-то внутренним светом, -вспоминает Евгения Задернюк. Если он приходил в бедный дом и видел, что семья нуждается, он потихонечку отставлял под рецептом деньги».

«Они восстали на меня в день бедствия моего, но Господь был мне опорой». (Псалтирь 17:19)

Доктор Турбин имеет отношение и к истории с мощами Тихона Задонского, которая уходит в 28 января 1919 г, когда в Задонском Богородицком монастыре большевиками была вскрыта рака с мощами Тихона Задонского. Тогда большевики составили протокол, где назвали мощи "горсткой выветрившихся костяшек". Однако, по счастью, мощи не выкинули, опасаясь гнева населения Задонска. Мощи тогда были перевезены для атеистической пропаганды в бывший Богоявленский собор в Орле, ставший вскоре Антирелигиозным музеем. В музее мощи Тихона и продолжали храниться. А в 1959 г в Богоявленском соборе произвели новый акт освидетельствования мощей Тихона Задонского. Мероприятие проводилось по инициативе обкома партии и госбезопасности - начали строить коммунизм, а в Орле мощи святого лежат прямо в самом историческом центре. Священнослужители уже понимали, что последует за этим, и настояли на том, что с их стороны тоже будет человек. Этим человеком стал легендарный в Орле доктор Турбин. Он отказался признать протокол 1919 г, согласно которому мощи Тихона Задонского представляли собой "смесь костей человека и животных". Он не подписал акт о том, что это "козьи костяшки". Он написал, что перед ним лежит человек. Священнослужители вспоминали, что перед ними был не просто человек. Мощи были нетленны. Рука святого была теплой. Они к ней прикладывались. Это уникальное свидетельство не могли обойти официальные лица, присутствовавшие на вскрытии раки, и 28 июля 1960 г "Орловская правда" начала настоящую травлю доктора. Только прибывшие в Орел два летчика - Герои Советского Союза, излеченные в госпитале, тайно переправленные к своим и устроившие в городе настоящую битву за своего врача, смогли отвести от него арест.

До самой своей кончины доктор Турбин лечил не только орловцев, но и жителей пригородных деревень; в Орле 30-х - 60-х гг. не было личности более популярной, чем простой, правда, не совсем обыкновенный врач. Икона Тихона Задонского висела над его кроватью до конца.

Владимир Иванович Турбин умер 22 апреля 1972 г. Хоронили на Троицком кладбище. «Я там присутствовал, - сказал отец Стефан. — Ему в гроб втайне положили монашеские одеяния, и **наш Орел обеднел без него**».

